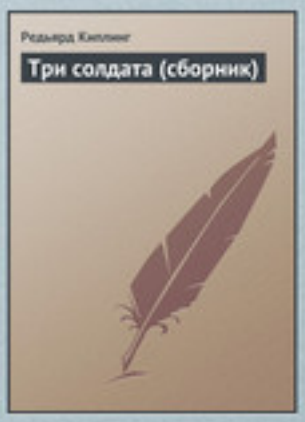
Редьярд Киплинг

Черный Джек



Часть сборника
Три солдата (сборник)

Три солдата

Редьярд Киплинг

Черный Джек

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Черный Джек / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888 — (Три солдата)

«Как три мушкетера делят серебро, табак и выпивку, как они защищают друг друга в бараках, в лагере, как все трое веселятся, узнав о радости одного, так и печали у них общие. Когда неудержимый язык Орзириса на целое лето завел его в карцер; когда Леройд потерял свою амуницию и одежду или когда Мельваней под влиянием излишка крепких напитков стал порицать своего офицера, вы могли бы видеть тревогу на лицах остальных двоих…»

© Киплинг Р. Д., 1888
© Public Domain, 1888

Редьярд Киплинг
Черный Джек

* * *

Как три мушкетера делят серебро, табак и выпивку, как они защищают друг друга в бараках, в лагере, как все трое веселятся, узнав о радости одного, так и печали у них общие. Когда неудержимый язык Орзириса на целое лето завел его в карцер; когда Леройд потерял свою амуницию и одежду или когда Мельваней под влиянием излишка крепких напитков стал порицать своего офицера, вы могли бы видеть тревогу на лицах остальных двоих. И весь полк знал, что неблагоразумно толковать или шутить по поводу неприятности, постигшей кого-нибудь из трех приятелей. Обыкновенно эти трое оставляют в стороне дежурную комнату и угловую лавку, которая стоит с ней рядом, уступая место еще не перебесившейся молодежи, но все случается…

Вот, например, Орзирис сидел на подъемном мосту перед главными воротами Форта Амара; он спрятал свои руки в карманы, изо рта у него свешивалась трубка. Леройд во всю длину растянулся на траве гласиса и размахивал ногами в воздухе; я вышел из-за угла и спросил, где Мельваней.

Орзирис плюнул в ров и покачал головой.

– Не стоит заходить к нему, – сказал он, – Мельваней – глупый верблюд. Слушайте.

Я прислушался. По каменным плитам веранды, которая прилегает к караульной комнате, звучали мерные шаги, и я мог бы принять этот стук за топот ног целой армии. Двадцать шагов crescendo, перерыв, потом двадцать шагов diminuendo.

– Это он, – объяснил мне Орзирис. – Боже мой, это он. И все из-за проклятой пуговицы, в которой вы могли бы увидать часть вашего лица и кусочек губы.

Мельваней маршировал взад и вперед в полном походном костюме, со своим ружьем, штыком, ранцем и шинелью. И это должно было длиться несколько часов! Его вина состояла в том, что он явился на ученье в невычищенном мундире. От изумления и злости я чуть не свалился в ров форта: ведь Мельваней – самый щеголеватый малый, когда-либо стоявший на часах. Нельзя было представить себе, чтоб он вышел на смотр, не почистившись, как нельзя было подумать, что он мог выйти из барака без брюк!

– Кто из сержантов наказал его? – спросил я.

– Ну, конечно, Меллинс, – ответил Орзирис. – Никто другой не пригвоздил бы его. Но Меллинс не человек. Он грязный свиной скребок, вот что он такое!

– А что сказал Мельваней? Не такой он человек, чтобы подчиниться покорно.

– Что сказал? Лучше бы промолчал. Но, Господи, как мы хохотали! «Сержант, – это он говорит, – вы сказали, что я одет грязно? Ну-с, когда ваша жена позволит вам собственноручно высморкаться, может быть, вы узнаете, что такое грязь. Вы недостаточно хорошо воспитаны, сержант», – говорит он, но тут мы пришли. А после учения Меллинс ругал его и клялся перед дежурной комнатой, что Мельваней назвал его свиньей и еще Бог знает чем. Вы знаете Меллинса. Скоро он сломает себе шею. Уж слишком это необыкновенный лгун. «Три часа в походной форме, – объявил полковник, – не за грязный мундир на ученье, а за грубость, хотя, – прибавил он, – я не верю, чтобы вы сказали Меллинсу то, что, по его словам, вы сказали». – Мельваней молча ушел. Вы знаете, он никогда не отвечает полковнику, чтобы не попасть в новую беду.

Меллинс – молодой и женатый сержант, его манеры отчасти результат врожденной резкости, отчасти плод плохо переваренного образования в закрытой школе. Он перешел через мост и грубо спросил Орзириса, что он делает.

– Я? – переспросил Орзирис. – Да жду офицерского чина. Не видали ли, не идет ли он сюда?

Меллинс побагровел и прошел мимо. С того гласиса, на котором лежал Леройд, донесся звук легкого смешка.

– Меллинс надеется, что его когда-нибудь произведут, – объяснил Орзирис. – Да спасет Господь товарищей, которым придется сидеть с ним за столом! Как вы думаете, сэр, который час? Четыре! Через полчаса Мельваней освободится. Не хотите ли вы, сэр, купить собаку? Щенок, которому можно доверять, от полковничьей серой, рампурских кровей.

– Орзирис, – сурово ответил я, понимая, что он задумал, – не хотите ли вы сказать…

– Я не хотел просить денег, во всяком случае, – ответил Орзирис. – Я дешево продал бы вам хорошую собаку, но… но… видите ли, я знаю: Мельваней потребует выпивки после того, как мы «выводим» его, а у меня нет ни пенни, да и у него пусто в кармане. Я хотел продать вам собаку, сэр, искренне хотел.

На подъемный мост упала тень, Орзирис начал подниматься в воздухе под влиянием огромной руки, схватившей его за шиворот.

– Все, только не деньги, – спокойно сказал Леройд, держа лондонца надо рвом. – Что угодно, только не деньги, Орзирис, мой сынок. У нас есть рупия и восемь анна, мои собственные. – Он показал мне монеты и опустил Орзириса на перила подъемного моста.

– Прекрасно, – сказал я. – Куда вы отправитесь?

– Когда его отпустят, отправимся за две, за три или за четыре мили, – ответил Орзирис.

Шаги прекратились. Я услышал глухой стук ранца, упавшего на постель, потом дробный звук оружия. Через десять минут безупречно одетый Мельваней со сжатыми губами и с лицом темным, как грозовая туча, появился на залитом солнечными лучами подъемном мосту. Леройд и Орзирис кинулись навстречу освобожденному и прислонились к нему, как лошади к дышлу. Еще мгновение, и три друга исчезли, уходя по дороге; я остался один. Мельваней не нашел нужным узнать меня, и я понял, что он сильно взволнован.

Я поднялся на один из бастионов и провожал глазами трех мушкетеров; их фигуры двигались через равнину, удалялись, становились меньше. Они шагали быстро и не поднимали голов. Вот мушкетеры обогнули учебную площадку, миновали стоянку кавалерии, наконец, исчезли в том поясе деревьев, который окаймляет приречную ложбину.

Я поехал за ними верхом и скоро заметил их; запыленные, покрытые потом, они большими шагами упруго двигались по берегу реки. Мушкетеры пробрались сквозь лесную чащу, направились к плавучему мосту и скоро расположились на одном из его понтонов. Я ехал осторожно, пока не увидел, что над рекой потянулись белые клубы дыма, которые растаяли в ясном вечернем воздухе, по этому признаку я понял, что мои друзья успокоились. Они заметили меня и стали приветливо звать к себе.

– Привяжите вашу лошадь, сэр, – крикнул мне Орзирис, – и пожалуйте сюда. Мы все отправимся домой в этой лодке.

От начала моста до бунгало лесничего всего один шаг. Заведующий столовой был тут же и любезно предложил мне свои услуги. Он поручит кому-нибудь лошадь сахиба. Не желает ли сахиб еще чего-нибудь? Стаканчик виски или, может быть, пива? Риттчи-сахиб оставил около полдюжины бутылок пива, и так как сахиб – друг Риттчи-сахиба, а он, заведующий столовой, бедняк…

Я дал ему несколько приказаний и вернулся к мосту. Мельваней скинул сапоги и опустил ноги в воду; Леройд растянулся на спине; Орзирис делал вид, будто он гребет большой бамбуковой тростью.

– Я старый дурак, – задумчиво произнес Мельваней. – Глупо, что я увел вас сюда, увел, потому что злился, точно ребенок. Это я-то? Ведь я уже был солдатом, когда Меллинс – будь он проклят, – пищал в люльке, взятой на прокат за пять шиллингов в неделю, которых никто не платил. Ребята, я увел вас за пять миль просто из-за естественного озлобления. Фу!..

– Ну что за беда, раз ты доволен? – заметил Орзирис, снова берясь за бамбук. – Не все ли равно, здесь мы или в другом месте?

Леройд показал рупию и монету в восемь анна и покачал головой:

– Мы ушли за пять миль от лагеря из-за отчаянной гордости Мельванея.

– Знаю, – с раскаянием согласился Мельваней. – Зачем вы пошли со мной? А между тем я до смерти огорчился бы, если бы вы когда-нибудь отказались сделать это, хотя я настолько стар, что мне следовало бы понимать людей. Но я накажу себя – напьюсь воды.

Орзирис визгливо захохотал. Буфетчик бунгало лесничего стоял с корзиной возле перил моста, не решаясь спуститься на понтон.

– Следовало знать, сэр, что вы даже в пустыне достанете что-нибудь хорошее для выпивки, – любезно сказал мне Орзирис. Потом прибавил, обращаясь к буфетчику: – Осторожнее с бутылками. Они на вес золота. Джо, ты – длиннорукий, возьми их.

Леройд мгновенно перенес корзину на понтон, и три мушкетера с жаждущими губами склонились над ней. Со старинными формальностями солдаты выпили за мое здоровье; после пива табак показался особенно хорош. Три друга уничтожили все пиво, разлеглись в живописных позах и любовались закатом; некоторое время все молчали.

Голова Мельванея опустилась на грудь, и нам показалось, что он заснул.

– Зачем вы ушли так далеко? – спросил я Орзириса.

– Чтобы «выводить» Мельванея, то есть прогулкой успокоить его. Когда у него неприятности, мы всегда «выводим» его. В такое время с ним не следует разговаривать, да и оставлять его одного тоже не годится. Поэтому мы водим его, пока не увидим, что он способен говорить и находиться в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.